

未来は俺たちの手の中に

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ГРАНИЦЫ - ТОЛЬКО В ГОЛОВЕ

18+

P2pirka zxc

Киберкризис 2077

«Автор»

2026

zxc P.

Киберкризис 2077 / P. zxc — «Автор», 2026

Он умер в своём мире — и проснулся в другом. Майк не помнит, кто он такой, почему у него нет цифрового прошлого и кому понадобилось стереть его личность. В мире, где корпорации контролируют города, а память можно переписать, он оказывается втянут в опасную игру. Но однажды Майк видит фотографию из прошлого. На ней — он и незнакомая женщина. И она, похоже, помнит его.

© zxc P., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мёртвый интервал	5
Глава 2. Пробуждение	7
Глава 3: Призрак без кода	10
Глава 4: Искусственная плоть	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

R2pirka zxc Киберкризис 2077

Глава 1. Мёртвый интервал

Если бы кто-то попросил меня описать прошлую жизнь одним словом, я бы не задумываясь сказал: ожидание. Сначала ждёшь, когда закончится урок. Потом — когда отзвонит последняя пара в институте. Ждёшь курьера с остывшей пиццей, загрузки очередного патча, ждёшь, пока тиммейт на средней линии перестанет бить лес всю игру. Ты всегда где-то между настоящим и будущим и свято веришь, что настоящая жизнь начнётся чуть позже. Завтра. С понедельника. Со следующего месяца.

Мне был двадцать один год, и около шести тысяч часов своей жизни я похоронил в Dota 2. Если перевести эту цифру во что-то более осязаемое, получится примерно двести пятьдесят дней непрерывной игры. Двести пятьдесят дней. Почти год жизни, если не считать сон, еду и всё остальное. Я сидел перед монитором часами, день за днём, цепляясь за виртуальные цифры рейтинга так, будто от них действительно что-то зависело. Когда вражеский трон рассыпался на экране и появлялась заветная надпись «Победа», внутри на несколько секунд вспыхивало что-то похожее на счастье. Мне казалось, что я чего-то добиваюсь, куда-то двигаюсь, становлюсь кем-то. Потому что в реальности я был всего лишь обычным курьером с синяками под глазами, пустым банковским счётом и парой просроченных микрозаймов. Зато в игре я мог чувствовать себя важным.

Теперь я понимаю, насколько жалким было это самообманом. Но тогда мне было проще не думать.

Тот день ничем не отличался от сотен предыдущих. За окном осень размазывала по стеклу холодную серую морось. В комнате стояла духота, несмотря на прохладу с улицы. На столе скопился тонкий слой пыли, а рядом с монитором медленно остывала кружка растворимого кофе. В ней уже плавала тонкая плёнка, которую я даже не собирался убирать. Телефон на тумбочке упрямо вибрировал. Наверное, коллекторы. Или мама, которая в очередной раз хотела узнать, почему я до сих пор не нашёл «нормальную работу». Я даже не стал смотреть. Просто перевернул телефон экраном вниз и оставил его вибрировать.

Я сидел перед монитором и бездумно листал поисковые страницы. В какой-то момент открыл очередной порносайт. Пальцы механически двигались по экрану, перелистывая бесконечную ленту. Когда-то подобное хотя бы вызывало интерес. Теперь мозг давно пресытился привычными картинками. Я машинально искал что-нибудь необычное, но даже самые откровенные категории вызывали лишь лёгкое раздражение и скуку. Наконец я открыл случайный ролик. Запер дверь комнаты на щеколду, откинулся на спинку кресла и попытался заставить себя почувствовать хоть что-нибудь.

Через минуту понял, что мне неприятно. Ни возбуждения, ни желания, ни интереса. Ничего. Только механическая привычка довести начатое до конца. Я уже хотел поскорее закончить, закрыть вкладку и вернуться к игре, когда вдруг почувствовал странное ощущение в груди. Сначала оно было едва заметным. Потом стало сильнее. Я нахмурился и попытался глубже вдохнуть. Не получилось. Внутри будто появился холодный плотный ком. С каждым ударом сердца он становился тяжелее, пока внезапно не сжался так сильно, что боль пронзила грудь. Я замер. Следующий удар оказался ещё сильнее. Словно под рёбра наотмашь вогнали зазубренный металлический штырь. Воздух застрял в горле.

— Кха...

Хрип вырвался сам собой. Я попытался встать, но ноги неожиданно стали ватными. Кресло отъехало назад и с грохотом ударилось о шкаф. Я рухнул вперёд. Рука метнулась к столу, пытаясь найти опору, но вместо этого задела клавиатуру и кружку. Они полетели на пол. Я даже не услышал звона. Лицо впечаталось прямо в пластиковые клавиши. Перед глазами вспыхнула белая пелена. Затем всё погрузилось во тьму. Сердце забилося ещё несколько раз — быстро, рвано, почти безумно. А потом остановилось.

Никакого света в конце тоннеля. Никаких ангелов. Никаких давно умерших родственников, которые встречают тебя по ту сторону. Только тишина. И странное, почти детское облегчение.

«Ну и славно, — подумал я, угасая. — Больше не надо вставать по будильнику».

Глава 2. Пробуждение

Я ещё не открыл глаз, но уже слышал тяжёлый, глухой бас. Бум. Бум. Бум. Низкие частоты проходили сквозь тело, заставляя вибрировать кости черепа. Каждый удар отдавался болью в груди — острой, жгучей. Боль, которая должна была исчезнуть вместе со смертью перед монитором, вернулась.

Я с трудом разомкнул веки и тут же зажмурился от ядовито-яркого ультрафиолета. Под щекой ощущался холодный лакированный стол, под спиной — кожаный диван. Голова гулела, как свинцовый колокол, но тело послушалось, когда я осторожно приподнялся.

Вокруг царил фиолетово-розовый полумрак. В воздухе висел плотный сигаретный дым, перемешанный со сладким, химическим запахом дешёвых духов. Из колонок гремел агрессивный синтвейв.

Неподалёку, на небольшой сцене, девушка ступала босиком по холодному навощённому дереву. Каждый шаг — медленный, пятка к носку, бедро вперёд, — и тонкая чёрная кожаная полоса, натянувшись, врезалась в ягодицу, оставляя розовый след на секунду. Неоновые нити вдоль позвоночника пульсировали в такт её дыханию: вдох — голубой, выдох — розовый. Свет софита дробился в зеркальном шесте, и её отражение — размытое, многократное — скользило по граням, как будто несколько девушек одновременно обнимали холодный металл. Она провела ладонью по шесту снизу вверх, и кожа на внутренней стороне бедра собралась в мелкие мурашки. Соски, прикрытые лишь чёрными крестами пластыря, напряглись от сквозняка. Она обернулась вокруг шеста, прижавшись к нему животом, и металл обжёг разгорячённую кожу. Между ног — тонкая полоска влажного шёлка, при каждом движении бедра ткань натягивалась, открывая то, что она прятала.

Я смотрел на неё, пытаюсь собрать мысли. Не получалось. Последнее, что отпечаталось в памяти: съёмная комната, кружка с кофе, боль в груди и полная тьма. А теперь...

Я поднял руки перед лицом и застыл. Ладони казались чужими. Пальцы — тоньше и длиннее, а на фалангах виднелись незнакомые мозоли. Я сжал кулак. Тело откликалось идеально, но принадлежало не мне.

— Эй, красавчик.

Я вздрогнул. Рядом стояла официантка в короткой клетчатой юбке и кожаных полосах вместо топа. Но больше всего поражали её глаза — зрачки вспыхивали золотистым светом при каждом моргании.

— Клуб закрывается, — сухо сказала она без единой эмоции на лице. — С тебя сорок деци за приват и напитки. Приложи чип или переведи на счёт.

Я машинально полез в карманы. Пальцы нащупали лишь дыру в ткани и парочку синтетических чеков.

— У меня... нет денег.

Я сам удивился собственному голосу. Он звучал ниже и грубее.

Официантка лишь равнодушно вздохнула и поднесла к моему запястью портативный считыватель. Сканер пикнул красным и замигал тройной ошибкой. Девушка нахмурилась: — На руке пусто. Ни базы, ни кошелька. Опять незарегистрированный проскочил...

Она повернула голову и кивнула в темноту.

Из угла вышли двое вышибал. Огромные амбалы под два метра ростом, с тяжелыми металлическими протезами вместо правых рук. У одного из них оптический глаз-объектив с тихим жужжанием сфокусировался на моём лице.

— Подождите! Я не понимаю, где...

Договорить мне не дали. Металлическая рука сомкнулась на плече. Кости треснули, боль прожгла тело, и меня сорвали с дивана, как бумажную куклу. Вышибалы поволокли меня по длинному коридору мимо VIP-кабинок, откуда тянуло озоном и горячим пластиком.

В конце коридора распахнулась дверь, и в лицо ударил холодный дождь.

— Выход там, нищеброд. Ещё раз зайдёшь — сдадим копам на запчасти! — буркнул вышибала.

Меня со всей силы вышвырнули наружу. Я рухнул на мокрый асфальт, ободрав локти и лицом впечатавшись в глубокую лужу. Вода оказалась тёплой, маслянистой и пахла бензином с приторным химическим сиропом. Я кое-как перевернулся на спину, задыхаясь и выплёвывая грязь. Дождь затапливал глаза.

Кое-как поднявшись, я прислонился к кирпичной стене. Синтетическая куртка и брюки со множеством карманов промокли мгновенно. Всё было чужим: одежда, тело, голос. В голове царил хаос. Я помнил всё о своей прошлой жизни — институт, курьерскую сумку, Доту и мгновение, когда остановилось сердце. Но обо мне настоящем в памяти не осталось ни строчки. Ни имени, ни адреса.

Я посмотрел в тёмную витрину напротив. В стекле отражался незнакомец: парень лет двадцати двух, с острыми скулами, белыми всклокоченными волосами и глубокими тенями под глазами. Я коснулся щеки — отражение повторило движение.

— Это я... — прошептал я.

Я поднял взгляд выше и замер.

Над мной возвышался гигантский монстр из бетона, стекла и света. Небоскрёбы уходили в низкие тучи, между ними на головокружительной высоте тянулись пешеходные мосты и транспортные эстакады. В воздухе бесшумно скользили обтекаемые машины, а стены зданий пожирал неон.

На гигантском голографическом щите обнажённая модель с кошачьими ушами обещала: *«Синтетическая страсть. Всего 99 деци за сеанс. Чувствуй больше с LustTech»*. Чуть ниже мигало: *«Нейростимуляторы Курасава. Забудь о боли!»*

Мимо переулка шли люди. У одного прохожего ниже колен блестели титановые поршни, у женщины половину лица закрывала металлическая пластина с красными индикаторами.

Я знал этот стиль. Я видел его в играх, аниме и старых фильмах. Киберпанк. Высокие технологии. Низкий уровень жизни. Я смотрел на город и пытался заставить мозг принять очевидное. Это не декорация. Не игра. Не сон. Дождь, стекавший за воротник, был холодным и настоящим.

Я побрёл по улицам без цели. Неон сменялся бетонными коробками, а вместо стекла появлялись ржавые листы. Но один запах преследовал везде — приторный, сладкий, похожий на перезревшую вишню с жжёным сахаром.

Люди вокруг реагировали на него странно: у подвала двое парней едва не сцепились из-за девушки, старик возле мусорки заворожённо смотрел на эротическую голограмму, тяжело дыша. Город казался больным.словно из людей медленно выжигали разум, оставляя одни инстинкты.

Ноги гудели, силы кончались. Я свернул под массивный бетонный мост, где было сухо. Там, среди кучи выброшенных покрышек, на рваных матрасах переждал дождь человек в трёх куртках, перехваченных бечёвкой. Лицо его заросло грязной бородой, но глаза смотрели зло и живо.

— Чего застыл? Место забито, — буркнул старик, сжимая в кулаке помятую кружку.

— Я просто сижу... Скоро уйду, — тихо ответил я, опустившись на бетон.

Он внимательно оглядел меня с ног до головы и фыркнул: — Уйдёт он. В твоём возрасте под мостом не оказываются, если только башню окончательно не сорвало. Ты чей будешь? Чем обдолбался?

— Я очнулся в клубе, — признался я. — Ничего не помню. Ни кто я, ни как меня зовут. Старик суховато каркнул: — А-а... Промытый. Или обкурился.

Он уселся напротив и глубоко втянул носом воздух. Его лицо тут же скривилось в отвращении: — Чуешь, чем несёт? Вишней? Это «Курасава», будь они прокляты. Опять распылители на максимум выкрутили. Врубают эту дрянь раз в три дня. Народ потом ходит и думает только о том, кого бы трахнуть да где купить таблетку от головы. Разгоняют похоть, как у скота.

— Зачем? — нахмурился я.

— Возбуждённым и голодным стадом управлять проще, — выплюнул старик. — Ему не до бунтов. «Курасава» сначала поджигает у тебя в крови пожар, а потом продаёт всё, чтобы его потушить: бордели, андроидов, нейростимуляторы... Держат этот город за яйца уже тридцать лет.

— А полиция? Власть?

— Власть? — старик зашёлся кашлем. — Президент тут — говорящая голова. Всем заправляет гендиректор «Курасава». В народе его зовут Глаз. Никто не знает, кто это — мужик, баба, ИИ или кусок мяса в банке. Но Глаз видит всё. Если у тебя есть чип — ты у них на ладони.

Я молчал. Картина мира складывалась неприятная и тошнотворно логичная. Человек здесь был просто батареей, которую выжимали досуха.

Старик порылся во внутренних карманах и вытащил мокрый, обгоревший клочок бумаги. — На. Адрес в восточном блоке, возле свалки. Найдёшь там фургон, спросишь Мексона.

— Кто он?

— Железячник. Мозги набекрень, но в системе шарит. Если кто и сможет размять тебе память или найти работу, так это он. А теперь вали, пацан. Весь вид мне портишь.

Он уткнулся носом в воротник, давая понять, что разговор окончен.

Я поднялся. Зажав клочок бумаги в кулаке, я шагнул из-под моста обратно под холодный стенающий дождь.

Глава 3: Призрак без кода

Дорога до восточного блока заняла около двух часов. Чем дальше я уходил от центральных магистралей, тем явственнее неон уступал место тусклому, мигающему свету редких фонарей. Улицы здесь превратились в настоящие ущелья из ржавого бетона и обшарпанных контейнеров.

Над головой шелестел липкий дождь. В горле першило, а мысли сбивались на лихорадочный бред. Чтобы не поддаваться дурману, я стиснул зубы и сосредоточился на поиске адреса.

Наконец я вышел к пустырю у подножия гигантской горы прессованного металлолома. Свалка высилась на фоне ночного неба тёмным, зловещим силуэтом. Прямо у её подножия стоял старый грузовой фургон на спущенных колёсах. Изнутри доносился металлический скрежет, ругань и шипение паяльника.

Я подошёл к тяжелой двери и постучал.

Скрежет мгновенно прекратился. Внутри наступила тишина. Раздался сухой щелчок засова, дверь с лязгом приоткрылась, и в щель высунулось сопло плазменного резака.

— Назад шагни, сука! — гаркнул голос, похожий на хруст гравия. — Кто такой? Элтон опять прислал своего ублюдка за долгом?

— Меня прислал старик из-под моста, — быстро ответил я, поднимая руки.

Из темноты фургона высунулся мужик лет сорока пяти в засаленных рабочих штанах и майке. Из его лысеющей головы торчали клочья седых волос, а на носу сидели массивные очки с десятком увеличительных линз. Он нахмурился, втащил меня внутрь и тут же задвинул засов.

— Заходи, не свети мордой! Сканеры «Курасавы» даже над свалкой иногда летают.

Внутри царил монументальный хаос. Запах стоял удушающий: канифоль, палёный пластик, машинное масло и перегар. Стены были увешаны стеллажами с гроздьями проводов, разобранных манипуляторов и плат.

— Ладно, раз от деда — доверяю на полпроцента, — проворчал мужик, вытирая руки о ветошь. — Но сначала проверка. Давай сюда ладонь, срисую чип.

Он протянул самодельный считыватель.

— Какой чип? — переспросил я, сделав шаг назад.

Мужик замер. Очки съехали на кончик носа. — В смысле «какой»? Карта личности. Идентификатор. В руке который!

— У меня его нет.

Мужик подошёл ближе, с подозрением впился пальцами в моё запястье и поднёс считыватель. Прибор пикнул трижды и выдал глухой затяжной гудок ошибки. Он перевернул мою ладонь, прошёлся грубым пальцем по вене и сдвинул очки на лоб.

— Где шрам от заводской вшивки? Где хотя бы капсульный след? — пробормотал он.

За следующие две минуты я коротко пересказал ему всё: пробуждение на столе в стрип-клубе, полный провал в памяти, выселение и встречу со стариком.

Мужик слушал, медленно оседая на заваленную мусором кровать. — Мать твоя железная... — прошептал он. — Без чипа. Без единой записи. Чип вшивают каждому младенцу в роддоме «Курасавы» в первую минуту жизни! Вытащить его без повреждения нерва невозможно — ты либо труп, либо калека. А у тебя... кожа чистая.

— И что это значит?

— Да ты хоть понимаешь, кто ты?! — Он вскочил, задев головой свисающий генератор. — Тебя не существует! Нет медкарты, нет истории покупок, нет биометрии! Камеры сканируют твоё лицо, пытаются сопоставить с базой — и получают пустую ошибку 404! Для системы ты — призрак. Невидимка!

Он схватил меня за плечи, глядя на меня с безумным азартом: — Ты же идеальный курьер! Тебя не засечь ни одним стандартным сканером! Меня зовут Мексон — инженер и гений, которого не ценит эта долбаная эпоха. А тебя как величать, призрак?

Я задумался. Вспоминать имя из прошлой жизни не хотелось — тот парень умер перед монитором. Нужно было новое имя. В голове всплыла ироничная перепалка у подвала, запах химикатов и царящий вокруг культ похоти.

— Ебырь Майк, — совершенно серьёзно произнёс я.

В фургоне повисла звенящая тишина. Слышно было только, как капает дождь по крыше. Мексон медленно опустил руки.

— Ебырь... Майк? — переспросил он.

— Ага. Можно просто Майк, если спешишь.

Мексон закинул голову и оглушительно захохотал: — Ха-ха-ха! Отличное погоняло! Считай, принят. Твоя первая задача...

Договорить он не успел.

Входная дверь содрогнулась от страшного удара. Металл прогнулся. Второй удар с мясом вырвал засов, и тяжёлая дверь со скрежетом слетела с петель.

Задор Мексона мгновенно испарился. Лицо инженера посерело: — Блять...

В проёме появились двое гигантов — боевые киборги в чёрной броне с гладкими металлическими масками и красными объективами оптики.

— На колени. Руки за голову, — проскрипел синтетический голос.

— Майк, делай, что говорят! Быстро! — прошипел Мексон и повалился на пол. Я опустился рядом.

Следом за амбалами в фургон вальяжно вошёл третий человек. Низкорослый, но невероятно широкий в талии, с огромным животом под грязной шёлковой рубашкой. На его шее висела массивная цепь с надписью: «BIG PAPA». От него разило дорогим парфюмом и сырым мясом.

— Мексон... мальчик мой, — пропел он мягким, хищным голосом. Носком туфля он приподнял подбородок инженера. — Ты ведь знаешь, почему я здесь?

— Папа... Я почти закончил... — выдохнул Мексон.

— Ты просрочил дедлайн на два часа, Мексон, — отрезал Большой Папа, и его голос набрал ледяную высоту. — Мой клиент рвёт и мечет. А десять минут назад мои датчики на въезде засекли, как к твоему фургону тащится какая-то неидентифицированная туша. Я решил проверить, не удумал ли ты сдать меня копам.

Движение было коротким и страшным. Кулак Большого Папы, закованный в перстень-кастет, наотмашь обрушился Мексону в лицо.

ХРУСТ.

Мексон застонал, отвалившись в сторону. На пол брызнула густая алая кровь. Большой Папа неторопливо вытер костяшки шёлковым платком. Вторым ударом под рёбра он заставил инженера согнуться пополам.

— Я не люблю сюрпризов, Мексон, — Папа заботливо погладил избитого по затылку, отчего меня обдало холодным потом. Затем он повернулся ко мне: — А это ещё что за неопознанный мусор?

— Новенький! — быстро выкрикнул Мексон, захлёбываясь кровью. — Шестёрка! Просто шестёрка, Папа!

Большой Папа подошёл вплотную. Он взял со стола картонную коробку, перетянутую скотчем, и с силой швырнул мне её в грудь. Я едва успел подхватить её.

— Значит так, «шестёрка», — выдохнул Папа мне прямо в ухо. — Берёшь эту херню и несёшь заказчику. Если через час товар не будет у него... у твоего босса станет ещё меньше зубов. А из тебя я сделаю подставку для ног. Понял?

— Понял, — сжав зубы, ответил я.

— Умница, — он похлопал меня по щеке. — Пошли, парни.

Когда бандиты ушли, я помог Мексону сесть. Его лицо превратилось в кровавое месиво.

— Живой? — спросил я.

— Бывало и хуже... — прохрипел он, выплёвывая кровь. — Не верь ни единому слову Папы. Он улыбается только тогда, когда решает, как именно тебя прикончить.

Он с трудом достал из тумбочки старый КПК с треснувшим экраном: — Держи. Адрес заказчика в записках. Человека зовут Чё. Отдашь коробку — он выплатит твою долю. И главное, Майк... — Мексон схватил меня за рукав и посмотрел единственным открытым глазом. — Не открывай коробку. Что бы ты оттуда ни услышал. Понял?

— Что там?

— Товар, Майк. Просто товар. Пошёл уже... Пока Папа не вернулся.

Я кивнул, сжал коробку и выскочил из разрушенного фургона обратно под холодный дождь.

Глава 4: Искусственная плоть

Путь в центр города вёл через транзитные эстакады. Чем ближе я подбирался к жилым блокам среднего класса, тем более плотным становился розовый, подсвеченный неоном туман.

Сладкий, липкий запах «Курасавы» здесь буквально висел в воздухе. Он просачивался сквозь ткань куртки, лип к коже и проникал в лёгкие с каждым вдохом. Мозг постепенно начал плыть. Внизу живота завязался тугой, горячий узел, а мысли против воли сбивались на образы, от которых становилось жарко.

Прохожие вокруг выглядели безумно. На одной из остановок парень в порванной деловой рубашке буквально вжался в рекламный столб, с диким, остекленевшим взглядом до крови кусая свои губы, глядя на голограмму обнажённой модели.

Никто не обращал на него внимания — здесь это похоже было нормой.

Я стиснул зубы и крепче прижал к себе коробку. Во вшитом в неё контейнере что-то слабо, ритмично пощёлкивало.

Нужный адрес находился в глубоком, заваленном синтетическим мусором тупике. Единственной вывеской здесь была тусклая, подмигивающая неоновая буква «Ч», половина светодиодов в которой давно перегорела.

Я подошёл к массивной стальной двери и стукнул по ней три раза.

Тишина. Затем сверху с тихим жужжанием опустился маленький объектив камеры. Он дёрнулся, фокусируясь на моём лице.

— Кто такой?! Че надо?! — раздался из динамика резкий, визгливый голос с заметным акцентом. — Убирайся! Я ниче не покупаю! Я полицию вызову! Я тебя застрелю!

— От Мексона, — выдохнул я, едва справляясь с подступающим дурманом в голове. — Я принёс коробку.

За дверью что-то загремело, послышался лай трёх затворов и судорожное щёлканье кодовых замков. Дверь приоткрылась всего на пару сантиметров, удержанная толстой стальной цепью. Из темноты на меня уставился узкий, налитый кровью правый глаз. Левый глаз незнакомца был полностью заменён на дешёвый кибернетический имплант — сложный окуляр с вращающимися колёсиками линз, которые с тихим треском меняли фокус.

— Один?! — прошипел он, судорожно оглядывая переулок за моей спиной. — За тобой хвост?! Копы?! Люди Папы?! «Курасава»?!

— Никого нет. Я один.

Цепь с грохотом упала, и меня буквально за руку втащили внутрь, тут же захлопнув дверь и заперев её на все задвижки.

Помещение было огромным и напоминало смесь морга, подпольной автомастерской и бойни. В воздухе стоял тяжёлый, сбивающий с ног коктейль из запахов машинного масла, озона, растворителя и... сладкого аромата женских духов.

Владельцем оказался худой, сгорбленный китаец в засаленном фартуке поверх голого торса. Его тело покрывала вязь блеклых татуировок, а на шее змеился толстый шрам от нейроразъёма. Это был Чё.

Он стоял, тяжело дыша, и сжимал в правой руке кустарный самодельный обрез. Его искусственный глаз беспрестанно вращался, сканируя каждый сантиметр моего тела.

— Где Мексон?! Почему он сам не пришёл?! — быстро-быстро затараторил Чё, нервно облизывая сохнувшие губы. — Он меня сдал?! Его взяли?!

— На него напал Большой Папа, — ответил я, озираясь по сторонам. — Мексона избили. Он отправил меня.

Чё ругнулся на китайском, нервно плюнул на бетонный пол и зашагал из стороны в сторону, чеша затылок:

— Проклятый Папа... Проклятый Мексон... Вы все меня в гроб загоните! Все хотят мои детали! Все за мной шпионят!

Я почти не слушал его. Мой взгляд ушёл за его плечо, и дыхание перехватило.

Вдоль всех стен мастерской, на тяжёлых металлических крюках для мясных туш, висели женские андроиды.

Они были абсолютно голыми. Их синтетическая кожа, сделанная из идеального силикона, выглядела настолько настоящей, что угадать в них машины можно было только по техническим швам и открытым сервисным портам на бёдрах и позвоночниках.

Здесь были модели на любой вкус.

Блондинка с длинными, почти до поясницы волосами, которые струились по её плечам и груди, едва прикрывая крупные, идеально круглые соски с лёгким розовым пигментом. Кожа на её животе была натянута так гладко, что при движении света казалось, будто под ней перекачиваются настоящие мышцы. Тонкая талия, широкие бёдра, длинные ноги — каждая линия отточена до совершенства. На внутренней стороне бедра, чуть выше колена, темнел аккуратный сервисный порт с поблёскивающими контактами.

Рядом висела брюнетка с короткой стрижкой и смуглой, словно от загара, кожей. Её грудь была чуть меньше, но выше и плотнее, с тёмными, почти шоколадными ореолами. Живот подтянут, а между ног — гладкий, без единого волоска, силиконовый лобок, имитирующий женскую плоть с пугающей, почти анатомической точностью. Её губы были приоткрыты, и в этом безмолвном жесте читалось что-то среднее между приглашением и полной пустотой.

Третья, рыжая, висела вполоборота. Её спина изгибалась дугой, ягодицы были округлыми и упругими, с ложбинкой, которая притягивала взгляд. На пояснице, прямо над копчиком, виднелся открытый разъём для подключения внешних модулей, а вдоль позвоночника тянулась тонкая светящаяся линия, пульсирующая слабым голубым светом.

У одной из антроидов — миниатюрной азиатки с тонкими запястьями — глаза были закрыты, словно она спала. Её соски были тёмно-вишнёвыми, а грудь — небольшой, аккуратной, с идеальной сферической формой. Между бёдрами виднелась тонкая полоска силиконовой плоти, имитирующей женские складки, и эта деталь была выполнена с такой скрупулёзной точностью, что становилось не по себе.

Все они висели неподвижно. Безмолвные. Идеальные. Мёртвые.

И в то же время — живые. Слишком живые.

Химия «Курасавы», которой я надышался на улице, вспыхнула в моей крови с новой, сокрушительной силой. Сердце заколотилось в ушах. Мой взгляд против воли начал жадно скользить по изгибам этих безупречных, искусственных тел. Жар накатило на затылок, дыхание стало тяжёлым и рваным. Я чувствовал, как внизу живота всё сжимается, как кровь приливает к щекам, как мозг, отказывается подчиняться.

Чё резко замолчал. Вращение линзы в его кибер-глазе прекратилось. Окуляр сфокусировался прямо на моём лице, а затем опустился ниже.

Он сузил свой настоящий глаз и медленно, с ядовитой, параноидальной ухмылкой произнёс:

— О-о-о... Посмотрите на него. Ещё один спермобак. Воздух «Курасавы» в башку ударил, да?

Он сделал шаг ко мне, не опуская обреза, и кивнул на ближайшую брюнетку с идеальным бюстом, висящую на крюке:

— Что, пацан? Нравятся девки? Смотри, какая гладкая. Синтетика класс А, с подогревом кожи и имитацией пульса. Хочешь её попробовать? А? Прямо сейчас, на верстаке?

Я глотнул пересохшим горлом воздух. Мозг предал меня окончательно. Я честно и жадно выдохнул:

— Да...

Чё мгновенно переменялся в лице. Его ухмылка испарилась, уступив место злобной, брезгливой гримасе.

— А вот хуй тебе! — рявкнул он и резко выставил руку. — Давай сюда коробку, извращенец долбаный! Размяк он тут! Меньше неона впитывай!

Он вырвал у меня из рук посылку, швырнул её на рабочий стол и тут же срезал скотч длинным сапожным ножом. Внутри коробки в мягком поролоне лежала сложная плата управления, исписанная световыми дорожками микросхем.

Чё прищурился, проверил чип сканером, и его паранойя, кажется, на секунду утихла.

— Ладно... Товар тот. Мексон не накосячил.

Чё перевёл взгляд на моё запястье, и его искусственный глаз снова застрекотал:

— Подожди... А где твой идентификатор? Где чип?!

— Нет его, — ответил я, с трудом возвращая контроль над собственным разумом.

Чё отскочил от меня на два метра, будто я был болен чумой, и снова вскинул обрез:

— Ты что, совсем охуел?! Без чипа?! Если к моей мастерской приедут копы и засекут незарегистрированную тушу, меня закроют на всю жизнь! Испотрошат на органы! Мексон совсем из ума выжил, раз посылает ко мне таких уродов!

— Успокойся. Я просто принёс товар, — хмуро сказал я. — Давай деньги за доставку.

Чё судорожно полез в стол, вытащил несколько смятых купюр и бросил их на пол перед моими ногами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.